

Русского уважать трудно, но не любить невозможно

«...Они герои трагической истории страны. Отменить ее мы не можем. Дай нам Бог ее выдержать...», — неоднозначный, яркий, принципиальный, он никогда не оставался в тени и никогда не избегал возможности высказать свою гражданскую позицию. Знаменитый литературный критик, автор известных книг, сотен актуальных статей, телевизионных циклов, глубокий исследователь и тонкий стилист, лауреат престижных премий Лев Александрович Аннинский считает, что лучшее из написанного им — «Жизнь Иванова», документальный роман об истории своей семьи. Он убежден, что «литературный процесс в России неразрывно связан с трагической историей нашей страны, и будущее человечество станет попеременно вспоминать героическую и трагическую стороны этой истории в зависимости от того, что у человечества будет болеть».

О месте России и русских в меняющемся мире, о межнациональных отношениях на разных исторических этапах, о русской истории и культуре в контексте современного исторического момента, о том, почему великая русская литература «была, а сегодня ее нет и быть не может», в интервью Александру Агееву и Александру Исаеву рассказал Лев Аннинский.

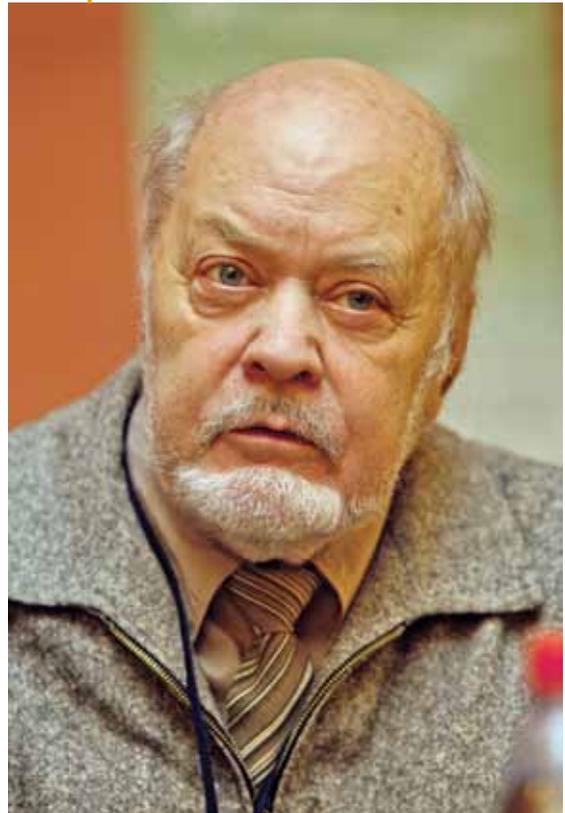

Фото: ИТАР-ТАСС, Интерпресс / Андрей Сидоров

Лев Александрович, в одном из интервью Вы сказали о своем поколении: «В 1953-м мы плакали, в 1955-м раскрыли глаза, а в 1956-м поняли, что наше время пришло. А кончилось оно в 1963-м». Получается, что 1960-е годы нельзя называть временем либерализма?

Все так. Наше время — это время наших отцов, время наших дедов, только каждый раз переворачивается. А в России все так переворачивается, что думаешь, что концов нет, а потом начинаешь соображать, что это все то же самое

переворачивается. Таково мое ощущение.

Иначе говоря, концы у любого со- бытия всегда есть?

Концы есть у событий, но нет конца у российской истории, нет концов у российского самосознания, потому что нет границ у российского государства. Мы находимся в чистом поле, где отсутствуют естественные границы. Одно дело Англия, которая на острове, Германия, стиснутая другими странами, другое дело мы — на пустом месте. Кто мы? Нас вооб-

ще не было, а была пустая земля, по которой скакал богатырь, ему навстречу — другой богатырь. И они, вместо того чтобы познакомиться и подружиться или поторговаться, начинали лупить друг друга копьями, сшибали на землю, убивали. Если бы это продолжалось бесконечно, тут вообще ничего бы не было. Хорошо, нашлись татары, которые сказали: «Хоть дороги давайте сделаем», и стали делать ямы. Ям — это по-китайски почтовая станция. Ямская служба впервые объединила этих богатырей, и получилось государство без концов,

без границ, открытое всем. Поэтому мы бесконечны. И психология русского человека вмещает в себя непредсказуемую бесконечность, которую не назовешь глупостью; это святая дурь, готовая ко всему неожиданному.

Конечно, в 1953 году я плакал. У меня отец погиб за Сталина на фронте, еще бы я не плакал. А в 1956 году уже начал соображать, что происходит. Я как раз окончил филфак университета, меня распределили в аспирантуру, и тут антисоветское восстание в Венгрии, во главе которого кружок Петефи. В ЦК решили, что ли-

мена Чернышевского были свои шестидесятники. Так что термин этот я не принял. Шестидесятники — это было никакое не освобождение, а мучительное переосмысление того, в какой стране мы живем. Российская история знает множество переворотов. Петр I поменял столицу, Екатерина II строила губернскую Россию... А потом что? То же самое?

Есть страна, которую я не оставлю, есть мой народ, и других у меня нет. Я пробовал, но нигде больше жить не хочу, мне неинтересно. Отсюда и мое мироощущение. Можно сколько угодно совершать

европейцы? Русские воевали наотмашь.

Физические утраты не влияют на содержание?

Влияют, но не могут изменить тысячелетиями складывающуюся из несчастий, из горя великую культуру. Империю ведь создают не от хорошей жизни, а чтобы все не передрались. Григорий Померанец правильно сказал, что все великие культуры рождаются в контексте великих империй. Я бы добавил: и сопротивления индивида или личности давлению этих чудовищных империй. Конечно, в Люксембурге давления меньше, страданий меньше, но там и культуры великой нет. Поэтому я думаю: что Сталин одолел Троцкого, что Троцкий Сталина — один черт, потому что надвигалась смертельная война с Гитлером. Кстати, когда открывали памятник Тельману, я спросил у Льва Николаевича Гумилева: «Если бы в 1933 году победил не Гитлер, а Тельман, войны бы не было, мой отец бы не погиб?» Он ответил: «Если бы победил Тельман, война между русскими и немцами была бы в те же сроки, с тем же исходом и такой же ценой». После этого с моего места встал не марксистски подкованный теоретик, а нормальный фаталист. До некоторой степени я этим так и живу: нельзя изменить трагический ход истории, можно только по частностям — вот тут бы надо было не так, и тут надо было бы не то делать.

Кто кого сажал? Сажали в основном коммунисты коммунистов, потому что все царские генералы пошли служить Сталину — Шапошников, полковник Генерального штаба, Брусиллов. А коммунисты между собой передрались. Почему передрались? Потому что боялись удара в спину от своих же, и это чисто русская черта — невозможно не ждать удара в спину при таком безграничье. Лучше свою столицу сдать и сжечь, чем отдать ее Наполеону, — это русский стиль войны. Нам все войны очень дорого давались.

Психология русского человека вмещает в себя непредсказуемую бесконечность, которую не назовешь глупостью; это святая дурь, готовая ко всему неожиданному.

тературная наука вся против советской власти, и у нас ее надо оздоровить. Мгновенно приняли решение брать в аспирантуру только рабочих, то есть тех, у кого есть не менее двух лет рабочего стажа. А у меня стажа не было, я в университет после школы поступил. Поэтому ученого из меня не вышло, я не плакал, попрощался с университетом и пошел работать в журналистику. Понятно, как я переживал и что думал на этот счет.

Дальше началась осмысленная жизнь. В 1950-е годы я понял, что мы созданы XX съездом партии и это нас определяет. Считается, что 1960-е годы куда интереснее. «Что происходило в 1960-е годы?» — спрашиваю я Рассадина, который начал это десятилетие статьей «Шестидесятники», опубликованной в «Юности». Хрущев громил абстракционистов. И это была свобода? Или 1968 год, когда подавили чехословацкое восстание?

От человеческого лица при социализме ничего не осталось, а остался один социализм без человеческого лица. Что вы мне тычете шестидесятников? И во вре-

перевороты, но это не изменит удивительную, странную, не заслуживающую уважения, но заслуживающую любви психологию нашего народа. Уважать его трудно, но не любить невозможно.

Что Вы можете вспомнить о событиях в Венгрии в 1956 году? Информации было мало, только слухи и разговоры.

Я не мог встать ни на чью сторону, потому что не понимал, то ли это для нас смертельно опасно, потому что все распадается, то ли, наоборот, здорово, потому что мы раскрепостимся. И сегодня, думая о том, что же произошло, понимаешь, что да, мы раскрепостились, сменили систему фраз, но психология народа, который за тысячелетия родился из 150 этносов, остается. И это моя психология.

А могли, скажем, сталинский или советский режим перепахать эту психологию, геноцид?

Нет.

А репрессии?

А до этого репрессий не было? Опричнины не было? Разве русские всегда воевали так же, как

Допустим, с Азией можно как-то договариваться, потому что они на нас похожи. По Ключевскому, мы приходим от татар в той же степени, в какой от славян и финнов. Но немцы — это абсолютная противоположность русским: у русских все относительно, а у немцев все абсолютно. Немец работает лучше всех, если кто-то не работает так же, как немец, немец его уничтожает. Немец — юберменш, а русский — всечеловек, не меньше и не больше. Возь-

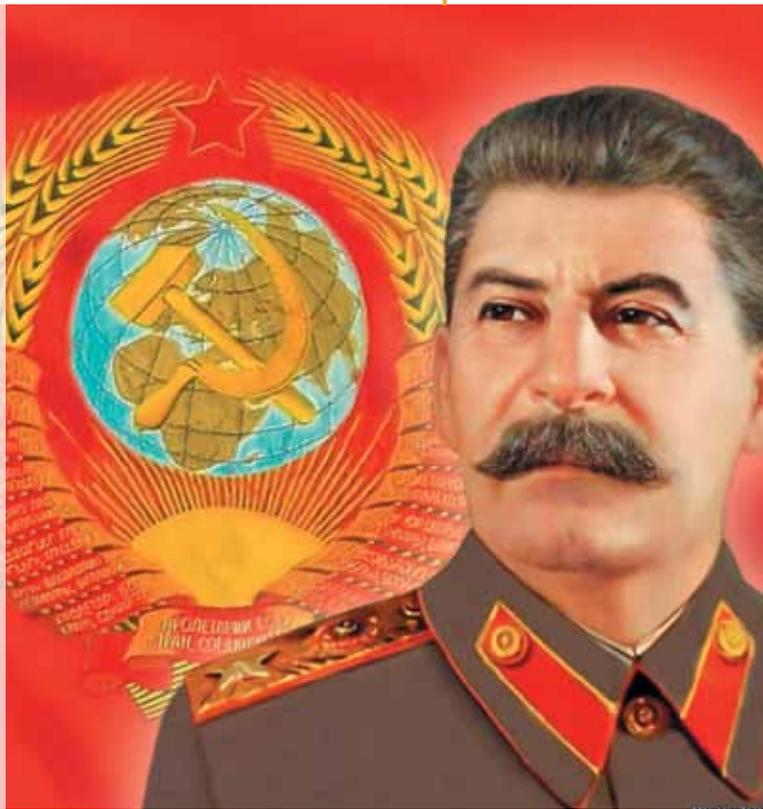
то не надо было бы говорить. Но я рассказываю то, что чувствую. Венгры еще хуже немцев были во время войны. Если в дом входил мадьяр, от него прятались. Другое дело — румын или итальянец. Это свой человек.

Вы любите поэта Петефи?

Конечно, люблю. Я и Аттилу могу понять. Они шли из Азии до самого Дуная и при этом сохранили язык. Одно это вызывает огромное уважение.

то все равно что-то есть, как сказал Толстой. Так что я в этом, я нахожусь внутри этого и никуда из этого деваться не могу. Соответственно, я отношусь к Сталину с трепетом и страхом, он — воплощение русского отчаяния в смертельной ситуации; Троцкий был бы еще хуже. Сталин сажал потому, что все вокруг него хотели сажать друг друга, и он только объединял этих с теми. Я работаю в журнале, где полно материалов о том, кто кого сажал. Делили власть и сажали друг друга с попустительства рабочих и крестьян, которые с нетерпением наблюдали за этим, а потом их же уничтожали их же руками. С мест подавали списки на расстрел, первыми выполняли план. Сталин это, конечно, использовал. Другой бы на его месте тоже использовал. Сталин не был беспринципен, он был хитер, и выдержка у него была великая, потому его и предпочли Троцкому. Троцкий торопливее и жестче. Всякое обсуждение вопроса у Сталина в узком кругу заканчивалось голосованием. Прежде чем устраивать голосование, Сталин оценивал, как будут голосовать, и всегда возглавлял большинство. Всегда. А потом уничтожал тех, кто не сразу присоединился, иначе они бы его уничтожили. Вот такое у меня ощущение. Не дай Бог жить в ту эпоху. Не дай Бог жить в эпоху, когда мой отец пошел умирать с криком «Да здравствует Сталин!» Не приведи, Господи. Но если уж пришлось, чего теперь топтаться-то на нашем прошлом? Другого нет и не будет. Не дай Бог опять что-нибудь такое — и опять будет то же самое. Но зато и горе будет большое, и страдание будет, и стихи напишут не просто хорошие, а великие стихи. Между хорошими стихами и великим страданием есть разница — между Полонским и Фетом, между Полонским и Пастернаком, между Пастернаком и, скажем, Сурковым, за исключением, конечно, «Землянки», где он великий поэт.

А что с народом происходило? Народ почуял печенкой, что

мите Достоевского, который был литовец, Некрасова, который был поляк, Пушкина, который то ли немец, то ли эфиоп, не поймешь, спорят до сих пор. А евреев сколько, а татар! Карамзин — татарин, Карамурзин. Мы по природе объединители всего этого. Немец же идет как ледакол. Он отлично работает, ничего не скажешь. Немец вызывает уважение, но не любовь. Русского уважать трудно, но не любить невозможно. Я вам о таких вещах говорю, о которых вообще-

А как с этим соотносятся попытки построить государственность у нас?

Вот такое мы и строим государство: «...до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». Какой же он новый?

Система фраз другая?

Великая литература — это и есть система фраз, которая без конца меняется. А за словами стоит тип веры. И тип веры у русского человека такой: даже если Бога нет,

идет смертельная война. Не как с Наполеоном, не как в 1918 году, а смер-тель-на-я, на уничтожение — сначала евреев и цыган, потом 80 процентов русских, а остальных превратить в быдло и тоже уничтожить. И это почувствовали все этносы, которые сплотились вокруг нас. Сталин об этом сказал третьего июля, когда очнулся от шока. Народ шел на любые жертвы. Да, конечно, в лагерях было уничтожено очень много людей, говорят даже десять процентов. Я не верю в десять процентов, думаю, процентов пять.

Завершу этот большой для меня сюжет, раз уж Вы спросили. У Анны Андреевны Ахматовой был сын, тот самый Лев Николаевич, с которым я имел счастье познакомиться. Этот сын за свой длинный язык в 1930-е годы, будучи студентом, получил срок. Ахматова пыталась за него хлопотать, писала Сталину, ничего не вышло. Он сидел, сидел и сидел. Наконец, во время войны его выпустили из лагеря, и он пошел на фронт. Не то чтобы его мобилизовали, а он сам пошел, он был уникальный, героический,

великий человек. Ахматова места себе не находила, потому что понимала, что на фронте в десять раз опаснее, чем в лагере.

Поэтому Солженицын свое дело сделал, буквально прокричав о том, что Сталин — меньшее зло, чем Гитлер. Не одержав победу в войне, мы бы с вами сейчас не говорили, а если и говорили бы, то на немецком языке.

Вот мое ощущение того, что сейчас происходит: опять топчутся на 1930-х годах, на коммунизме, на социализме. Коммунизм — это была морковка, которую повесили перед лошады, чтобы она шла. Куда надо было идти? Русские только писать стихи и с Богом говорить умеют с удовольствием, все остальное они делают без удовольствия. А из них нужно было создать армию, готовую умирать.

Ричард Пайпс, замечательный историк и жуткий антисоветчик, писал, что в 1917 году никакие интеллектуальные вожаки не могли вести за собой русский народ. Он, народ, мог пойти либо за Чер-

ной сотней и Союзом русского народа с их антисемитскими программами, либо за большевиками. Выбор пал на большевиков, потому что они были безжалостнее. Ну а большевики предложили строить коммунизм. Какой коммунизм в крестьянской стране? Взяли Маркса, добавили чего-то еще, и народ пошел, как за морковкой. А на самом деле нужно было вытерпеть индустриализацию, коллективизацию и создать армию, обреченную на жуткие боевые действия. Поколение, которое пошло умирать, — наши старшие братья. Они считали себя самым счастливым поколением. Где такое видано? Поколение Слуцкого, Твардовского, Межирова: «А мы еще дойдем до Ганга, а мы еще умрем в боях». Сумасшедшие, пошли умирать с песнями о том, что они самые счастливые. Вот что такое коммунизм. А потом начали строить. Что построили? Мы сейчас видим, что можно построить на таком песке. Сегодня русские, лишившись головокружительной веры в потустороннее, в неосуществимое, в коммунизм и вытоптав все, во что они верили в XX веке, оказались один на один с кошельком с деньгами, которого нет. И как жить этим людям?

Быстро мы перешли к кошельку. А как можно было усмотреть истоки 1990-х годов, лихолетья?
Ну, лихолетье — это война, а 1990-е — не лихолетье.

Пустьячок?

Это просто легкое безумие с элементами самоохмурения, вот что это такое. Ну и что мы получили? Богатеев олигархов и ненавидящий их народ. Ну и опять все сначала. А куда было деться, не оставаться же в военном положении до бесконечности. При Сталине было военное положение. Понятно, почему заградотряды, ГУЛАГ — или ты убиваешь, или тебя убивают. Затем еще полвека ждали третьей мировой войны. И только потом начали понемножку устанавливать контакты. Мы к каким контактам привык-

Фото: ИТАР-ТАСС / Борис Кавашкин. Лев Аннинский (слева) получил «ТЭФИ-2004» в номинации «Сценарист телевизионного документального фильма» за цикл «Серебро и чернь». Справа — режиссер фильма Виталий Максимов

ли? Через прорезь прицела. На нас без конца нападают с целью отхватить землю, уничтожить все. И что дальше? Что мы строим сейчас? Коммунизм не строим. Не знаю, что будет строить народ, который привык к самопожертвованию, к великой вере в потустороннее, в Бога, в генсека. Русские привыкли верить безоглядно, по расчету мы жить не умеем, однако сейчас пытаемся жить по расчету. Но как будет жить моя страна и мой народ, так буду жить и я. У меня нет другого народа и другой страны, и какая бы Россия ни была, капиталистическая, коммунистическая, олигархическая,

Я, как всякий русский человек, верю в судьбу, в рок, а не в то, что мы лучше других.

если это Россия, то это я. Нельзя родиться еще раз в другой стране. Я полукровка, мама еврейка, отец донской казак, я такой русский. То, что у меня, кровью не дается. И то и другое — это русские субкультуры. Поэтому я русский человек по самоопределению, по душевному и духовному решению.

А что есть современный эталонный русский человек?

Нет эталонного русского человека. Как только появляется эталон, его смешивают с дерьмом. Вот был простой советский человек — товарищ Сталин... Что с ним сделали? Может, Ленин был эталонный человек? Стоит только эталону появиться, его уничтожают.

Можно ли говорить, что нация больна?

Нет. Нация не больна.

Другими словами, нация всегда исторически права?

Она далеко не всегда бывает права, просто она не может быть другой. Она насколько правая, настолько же и левая. А если нация другой быть не может, она должна выстрадать свои решения, оплатить их слезами и кровью. С нами так

было всегда, и сейчас то же самое. Я не говорю, что мы все делаем правильно. Мы делаем то, что вынуждены делать, то есть вписываемся в какую-то неопределенную переходную мировую ситуацию, и непонятно, как будут собираться силы, где мы окажемся — между Западом и Востоком, между Севером и Югом? С Юга будет агрессия на Север по всему миру, это уже ясно. Чтобы в этой ситуации остаться самими собой, надо быть готовыми ко всему и понимать, что такова наша судьба. Я, как всякий русский человек, верю в судьбу, в рок, а не в то, что мы лучше других.

Украина, Белоруссия, Казахстан — это русские?

Да, они так решили. Нет, они не русские, но были какое-то время россиянами. Они — как раз плод тех смешений, от которых всегда остаются несмешавшиеся части. Население Восточной Украины хочет обрусеть и обрусело, а западнцы этого не хотели. Ну, не хотят — и не надо. Белорусы, наоборот, нам очень близки. С народами Закавказья дело сложнее: грузины ищут другие варианты; азербайджанцы тоже никак не решат, с нами они или с Азией. А вот армяне наши, армяне абсолютно преданы. И казахи нам близки. Казах — человек свободный, это то же самое, что казак. А куда им деваться? У них Китай под боком, Индия. Китай может оказаться агрессивным, правда, я в это не верю. Если узбеки, как сунниты, ищут опору в исламе, с этим тоже надо считаться. В общем, мы, русские, находимся в ситуации великого смешения, которое породило великую общую культуру, русскую, даже не российскую, и российское государство. Русская культура впитала в себя, как Ключевский говорил, финское начало, тюркское нача-

ло, славянское начало, а потом еще кавказское, еврейское, французское. Взять великих русских поэтов: у каждого есть какая-то примесь. Матерью Жуковского была турчанка Сальха, ну и так далее, не буду перечислять всех.

Что-то вроде американского плавильного котла?

Тут другое. Дело в том, что американская психология в отличие от русской требует: встань и иди! Русский же всегда говорил: с Богом будем, оставьте нас в покое. А идти все равно приходилось. Мы до Японии дошли, там получили по кумполу, и все, дальше не пошли. А согласно американской психологии, человек сам творец своего счастья. Америка попала в сходную ситуацию: американцы — сверхнация и русские — сверхнация, если говорить об этносе. Чистые этносы — это вятичи, кривичи. И не только американцы и русские — сверхнации, но и китайцы, и индусы. Если сравнивать русских и американцев, две сверхнации, то и они, и мы строили на пестроте. У американцев психология общего котла. Что значит общий котел? В этом качестве выступал английский язык. Если ты негр или краснокожий индеец, значит, влезай в этот общий котел и адаптируйся как можешь. А негр так сходу не может, и индеец тоже не может как белый, поэтому у них попытки организовать общий котел все время проваливаются.

Мы не делаем общего котла, мы делаем многожильный провод, когда все вместе, но каждая проволока сама по себе. Я в журнале «Дружба народов» всю жизнь этим занимаюсь. До какого-то момента нам это удавалось, но потом наступила эпоха, когда начались сплошные короткие замыкания. Жизнь все время меняется, меняется трагически, она полна боли, разочарований и слез, а то и крови. Распад Союза для меня стал глубокой личной драмой. Я всю жизнь занимался именно этим многожильным проводом с тем, чтобы все чувствовали себя

на особицу, а жили вместе. Что значит вместе? История трагична — до поры вместе, а потом — хоп — и разбежались. Оглядываясь, а чего и с кем мы не поделили? Земли необработанной до черта, опять не поделили.

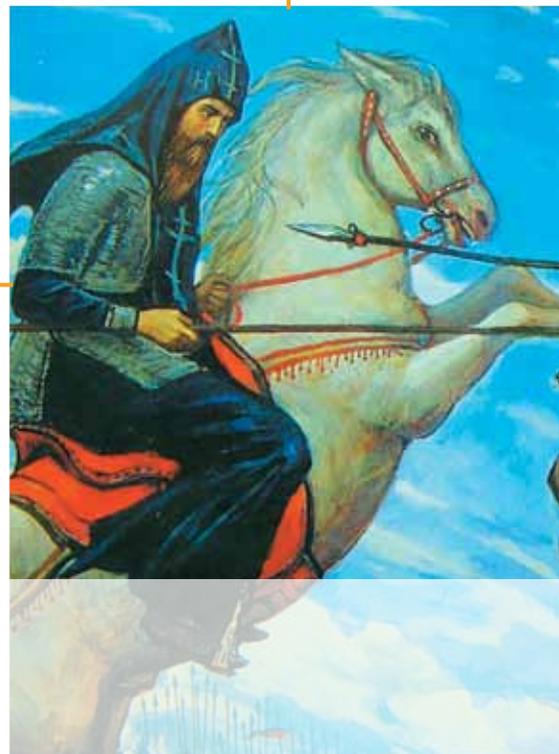
А что мы не поделили при распаде Союза? И что хотели поделить? Распад СССР — фатальный процесс? По каким причинам распалось советское государство?

Ничего мы не хотели делить. Мы хотели все сохранить. Но люди, которые созданы для войны, которые пережили военное время, не смогли. Тем более что все народы закачались, им надоело ходить в одной колонне, захотелось независимости, незалежности. Если бы народы не поддерживали, элита ни на что бы не решилась. Все так или иначе хотели это попробовать. По-про-бо-вать. Чего грузинам было надо? Хотели как американцы. Хорошо еще Миши-

Они дождутся поляков, эти украинцы. У русских все сквозь пальцы, а у поляков не так. А если уж украинцы дождутся немцев, тогда будет совсем тяжело. Они это, конечно, задним числом рано или поздно поймут — лучше уж с русскими, лучше обрусеть. Кстати, обрусевшие украинцы — писатели, музыканты — внесли великий вклад в русскую культуру. А сейчас попятнулись. Я уважаю это решение: давайте, пятьтесь, сколько хочется, только не вынуждайте левобережных украинцев быть против русских, потому что они хотят обрусевать. А кто не хочет обрусевать, пожалуйста, будьте украинцами.

Какая мечта появится, наконец, в кошельке после того, как наступит разочарование?

Вы знаете, я боюсь, что опять будут потрясения. Русские же ничего не делают гладко. Опять может быть раскол, ну, правда, и вели-

Русская культура впитала в себя финское начало, тюркское начало, славянское начало, а потом еще кавказское, еврейское, французское.

ко женился на голландке, она помогла ему сориентироваться. Конечно, если бы народ был против, ничего бы не получилось. Вот сейчас народ его уже не хочет, и Мишико слетел. Русские тоже устали от жесточайшей военной диктатуры, захотели пожить. Как пожить? Сроду не жили иначе. Пожить, как душа просит. Вот сейчас и живем, как душа просит. Душа просит денег.

Иначе говоря, сами захотели? Никто не соблазнял?

Захотели, допустили. Ельцин, крепкий мужик, уралец, пытался спасти Советский Союз, ничего не вышло. Это было уже бессмысленно — еще при Горбачеве все рухнуло. Ельцин был вынужден пятиться перед украинцами в Беловежье, а украинцы уповали на то, что Европа поддержит. Какая Европа!

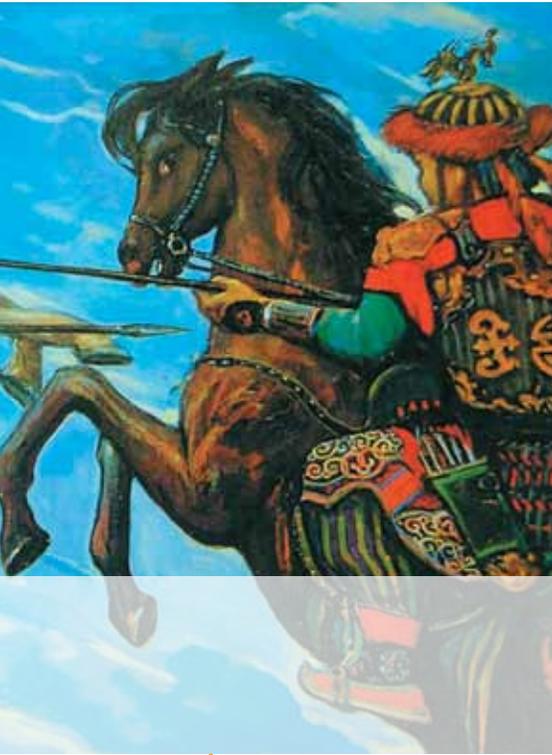
кие песни появятся. И «белые» будут петь «красные» песни на «белый» мотив, как то уже и бывало. В общем, я мечтаю только об одном: чтобы во всем этом открылся в конце концов смысл, чтобы русские поменьше убивали друг друга. У меня один дядя «белый», командир «белого» бронепоезда, а отец «красный» и еще один дядя «красный». Это в казачестве, а в еврействе просто жертвы погромов. Мне это все не по душе, но если другой судьбы нет, ну хотя бы, чтобы такой крови не было. Сейчас русские отошли от крови, от междоусобицы, пока это работает, а там посмотрим. Придут молодые на Болотную площадь, скажут: «Мы протестуем!» Против чего, ребята? А мы еще не решили, против чего. Посмотрим, как биология вывернется. И от нас потребуют смысла, а мы постараемся.

Что во внешнем мире Вас особенно тревожит? Пока он на нас давит?

Он еще не давит. А когда начнет давить, Вы мне этот вопрос постесняетесь задать, пожалеете меня. Во всем мире происходит смена поколений, и приходит поколение, которое, чуть что, выходит на площадь и сучит кулаками. Вся Северная Африка — это молодое поколение, их много, они в ярости. Чего вы хотите? Жить хорошо. А работать хорошо? Греки не могут работать так, как немцы. Меркель говорит: «Работайте, как мы, и у вас все будет». Нет, ты нам дай то и это, ты нам займи денег. Ну и что дальше? Посмотрим. Тревожно, тревожно.

Нас не мало? Мы не выродимся окончательно?

Если по-прежнему бабы будут рожать и кидать детей в колодец и подкидывать в роддом, или станут пить вместо того, чтобы воспитывать, или американцы будут брать этих детей и потом убивать, потому что они не могут стать амери-

канцами, выродимся. А если это произойдет, придут люди с юга и оестествят наших баб. Китайцы, например. И это будет трагедия русской идентификации, трагедия русского самосознания. Не дай Бог, это случится при мне. Посмотрим, как придется жить, так и будем. Какая будет Россия, такая и будет, и пусть будет, только бы была, только бы не уничтожили, как немцы нас хотели уничтожить, не разорвали на части. Вот это было бы страшно. Все остальное терпимо.

А смысл эволюционировал? 1950-е, 1960-е годы и сейчас?

Конечно, эволюционировал. Сначала говорили: давайте-ка все оставим как есть, только пусть у социализма будет человеческое лицо. Потом выяснилось, что человеческого лица не будет, потому что непонятно, где оно вообще, человеческое. Тогда начали думать: что надо менять? Общие идеи себя не оправдали, советских не надо, давай националистические идеи. Давай русскую идею. Но тогда та-

тары отделятся, страна развалится. А чтобы не развалились, нужны какие-то объединяющие идеи.

Какие общие идеи сейчас могут быть?

Их может быть много. Люди все разные, и надо уметь жить вместе ради каких-то общих идей, ради общего стиля жизни, чтобы выживать, чтобы дети друг с другом общались, смешивались. Важно, чтобы от этой земли исходила не оголтелость, а ощущение мира. Я в это не верю — все равно оголтелость появится, сменится три поколения, другие придут на Болотную площадь и скажут: «Мы протестуем!» Но я не могу с этим согласиться. Пусть мои представления, так сказать, идеалистические, ну и что. Я в известном смысле идеалист и есть. И пока меня люди слушают, слава Богу, я могу это проповедовать.

У Вас нет ощущения, что к нам подкрадывается некий технологический киборг? Мы, вроде, все еще имеем человеческий облик, а на самом деле стали очень зависимы от новейших технологий. Киборг — это кирдык. Технологический. Ну и что? А разве книгопечатание не вытеснило рукописные книги? Это же просто техника — нет ничего страшного в том, что унитазы стали лучше. Есть цивилизация, а есть культура. Цивилизация будет и дальше наступать, Интернет будет наступать, но у нас в сердцах и умах остается то, что нас породило.

Какая песня останется в 2100 году?

Думаю, что останется Пастернак, Пушкин и все-таки Тютчев. Мне очень близок Тютчев с его мировой тревогой. Пушкин тоже очень дорог, но он был озорник, слишком много себе позволял. Лермонтов вызывает сочувствие. Фетом я занимался, я ему тоже сочувствую. Это из XIX века.

Из XX века кто?

Из великих русских поэтов мне ближе всего Ходасевич и по его

трагической судьбе, и по стиху. Хотя Ходасевич был против Есенина, но он мне ближе, чем Есенин, по той причине, что не надо делать из русских отдельную этническую группу. Тогда русские потеряют свою мировую задачу и перестанут быть русскими.

Можно ли жить без идеологии? На какой основе эта идеология может быть создана?

Не только может быть создана, но и неизбежно будет создана. Или мы распдемся на малые государства, и у каждого будет своя идеология. Великому государству нужна великая идея. Какая это будет идея, угадать невозможно, потому что все идеи обескровлены в процессе взаимоуничтожения коммунизма и антикоммунизма. Нужно просто доверять тому, что будет, если народ объединится. Любая идея, которая объединит мой народ, станет моей. Такова моя незыблемая позиция. Какая она будет? Христианская? Не уверен. Христианство, разделенное на три части, шатается. Исламская? Не верю, потому что по традиции ислам всегда был отдельно. Интеллигентская? И надо бы, мне это ближе всего, но едва ли. Интеллигенты традиционно во всем виноваты, на Руси всегда на них все вешали. Это должна быть какая-то гуманистическая идея, и тогда мы все сможем объединиться. Я хочу, чтобы это была наша, русская традиция, чтобы была Россия, русская культура, чтобы продолжалась русская драма, чтобы ее не затоптали.

Солженицын предлагал укреплять власть на местах, полагая, что она спасет Россию, но этого недостаточно. В великом государстве народ не должен ненавидеть власть, понимая, что она является объединяющим началом и его продолжением. Чего я терпеть не могу — это ненависти к власти русских людей: к барину, к Господу Богу, к генсеку, к губернатору. Эти самые начальники — из нас, и ненавидеть их все равно что ненавидеть самих себя.

ПЭС 13090/12.04.2013